

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Стихи Вл. Маяковского

**ПОСТОЯЛ ЗДЕСЬ,
МОТНУЛСЯ ТУДА,—
ВОТ И ВСЯ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ
ТРУДА.**

Пришел Петров,
осмотрел станок.
С полчаса потоптался
на каждой из ног.
Час на это топтанье
потерял
и побежал
получать материал.
В конторе тоже
порядок простой:
за ордером
полчаса постоит,
Получил ордер;
теперь надо
в очереди за материалом
постоять у склада.

Вернулся,
станок осмотрел тонко,
и видит:
не в порядке шестеренка.

Петров, пока
шестеренка чинится,
то зевнет,
то подбооченится.

И наконец после
работы упорной
пошел отдохнуть —
покурить в уборной.

Из этих строчек
вывод простой:
рабочий,
уничтожь
и гульбу и простой!

— ★ —

Секрет молодости

Нет,
не те «молодежь»,
кто, забившись
в лужайку да в лодку,
начинает
под визг и галдеж
прополаскивать
водкой
плотку.

Нет,
не те «молодежь»,
кто весной
ночами хорошими,
раскрывавшись
модой одеж,
подметают
бульвары
клямами.

Разве
это молодость?
Нет!

Мало
быть
восемнадцати лет.
Молодые —
это те,
кто бойцовым
рядам поредельм

скажет
именем
всех детей:

«Мы
земную жизнь переделаем!»
Молодежь —
это мы —
дар
тем,
кто влит в боевой РИМ,
тем,
кто бьется,
чтоб дни труда
были радостны
и легки!

В. В. Маяковский

(К одиннадцатой годовщине со дня смерти)

Советский читатель, любящий настоящую большую поэзию наших героических лет, высоко ценит замечательное творчество В. В. Маяковского. В произведениях «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи», как сказал о Маяковском товарищ Сталин, читатель находит целый мир социалистических идей и чувств. Этот мир открывают в поэзии Маяковского и новые граждане молодых областей и республик СССР. Получая впервые советский паспорт и вспоминая свое недавнее прошлое, они с особенным воодушевлением могут повторить слова Маяковского:

С каким наслаждением
жандармской кастой
я был бы
исхлестан и распят
за то,
что в руках у меня
молоткастый,
серпастый

советский паспорт.
«Стихи о советском паспорте» стали любимым поэтическим выражением гордости гражданина СССР за свое отечество. Написанные в последний год жизни Маяковского, они как бы венчают одну из важнейших тем всего его творчества — тему советского патриотизма.

«...Мы должны, — говорил М. И. Калинин в своем докладе московскому партактиву «О коммунистическом воспитании», — воспитать всех трудящихся СССР в духе пламенного патриотизма, в духе безграничной любви к своей родине. Я говорю не об отвлеченной, не о платонической любви, а о любви напористой, активной, страстной, неукротимой, о такой любви, которая не знает никакой пощады к врагам, которая не останавливается ни перед какими жертвами во имя родины».

В качестве образца выражения патриотических чувств в искусстве, образца служения советскому народу М. И. Калинин в своем докладе приводил творчество Маяковского.

В старой России, где господствовал «его препохабие» капитал, поэт чувствовал себя чужим. «Я не твой, снеговая уродина», — говорил он, обращаясь к старорежимной, козловой, низкопоклонной Руси чиновников и купцов, помещиков и фабрикантов, опоганивших великое слово «Родина». С неслыханной силой бросил он в лицо «патриотов», отсиживавшихся в тылу во время мировой войны и наживавшихся на военных спекуляциях, свое негодование подлинного сына родины, которому больно и стыдно за свое истерзанное, истрадавшееся отечество:

Вам ли, любящим баб да блуда,
жизнь отдавать в угоду?!
А в поэме «Война и мир», которую он писал для журнала А. М. Горького и которую царская цензура не пропустила, Маяковский называл калек империалистической войны «огрызками кровавого обеда международной буржуазии:

Никто не просил,
чтоб была победа
родине начертана.
Безрукому огрызку кровавого
обеда
на чорта она?!
Но едва власть в России перешла к победившим рабочим и крестьянам, Маяковский сразу ощутил интересы социалистического государства, как свои кровные интересы, и его победу, как свою собственную. Неудовлетворенная ранее любовь поэта к родине стала деятельной, напористой, страстной и неукротимой. Проявления этой любви — не только в его больших стихах и поэмах, ставших величайшими памятниками мысли и чувств революционного народа, но и в повседневных заботах о благе родины, в помощи ей агитационным словом — частушкой, лозунгом, плакатом, га-

зетным фельетоном на злободневную тему.

Огненный темперамент бойца революции не позволял ему замкнуться только в работе над книгой и толкал на участие своим поэтическим словом в повседневных боях за социализм. Он владел одинаково хорошо всеми видами литературного оружия — от пафоса до юмора и сатиры, от поэмы до частушки. Весь этот грозный арсенал слова он отдал на идейное вооружение родины.

Размах, гибкость и оперативность литературной работы Маяковского поразительны. В годы гражданской войны эти особенности его дарования были неопценены. Он пишет близкие пониманию рядового красноармейца и самого отсталого крестьянина яроучительные сказки и рассказы, агитационная действенность которых очень велика, потому что назидательный тон их не назойлив, «утеплен» шуткой, юмором: «Рассказ о том, как из-за пуговицы голова пропадает дешевле лукавицы» или — «Сказка о дезертире, устроившемся недуренько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника».

В поэтической работе Маяковского общественный темперамент сочетался с верным политическим чутьем, которое оценил Ленин в стихотворении «Прозаседавшиеся». Окрыленный похвалой Ленина, Маяковский «во весь голос» развернул свою деятельность поэта-гражданина.

В комедии Грибоедова «Горе от ума» Чацкий, вернувшись в Москву из заграничных странствий, на вопрос Софьи «Где ж лучше?» — отвечает:

Когда ж постраствуешь,
воротиться домой,
И дым отечества нам сладок
и приятен!

В своих заграничных поездках Маяковский сердцем не расставался с любимой социалистической родиной. «Дым отечества», самый воздух, «разреженный» дважды прозою двух революций, был приятен ему. И с запасом этого воздуха в своей широкой грудной клетке он обшел чуть не весь земной шар. Технические достижения капитализма он сумел при этом трезво оценить, но еще острее понял, что забота о человеке, неведомая капитализму, составляет душу, гордость социалистического строя.

Хозяйским глазом, уважительно, но и критически осматривал он достопримечательности буржуазной техники и культуры, прикидывая, как и что нужно будет использовать после победы мировой революции. Все-таки тоска по родине хватала за сердце:

Почему
под иностранными дождями
вымокать мне,
гнить мне
и ржаветь?

И подтрунивая, по обыкновению, над самим собой, над своей «сентиментальностью», — черта,

которая придавала такую чистоту и подлинность выражению его самых глубоких чувств, он прощался с любимым Парижем —

Я хотел бы
жить
и умереть в Париже,
Если б не было
такой земли —
Москва.

Маяковский был русский человек, родившийся и проведший юные годы своей жизни на Кавказе, в кипящем котле национально-революционной борьбы против российского самодержавия. Он говорил о себе, что он «по рождению грузин». Вместе со своими товарищами грузинами, еще острее переживая за них укулы национального самолюбия, он ненавидел взбесившихся в 1905 году великодержавных российских шовинистов. Но когда уже в советских условиях он подметил проявления национализма в некоторых кругах грузинской и украинской интеллигенции, он с искренним огорчением воскликнул, обращаясь к юношеству всей нашей многонациональной родины:

Да будь я
и негром преклонных годов,
и то
без унынья и лени
я русский бы выучил
только за то,
что им

разговаривал Ленин.

Осенью 1927 года Маяковский впервые прочитал своим литературным друзьям поэму «Хорошо!», написанную им к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Идея, созревшая в боевой практике поэта-трибуна, идея любви к родине одухотворяла эту гениальную поэму. Самое название «Хорошо!» звучало взволнованным счастливым восклицанием человека, вздохнувшего полной грудью. Но, несмотря на то, что именно в этой идее заключался прямой и глубокий смысл нового произведения Маяковского, это не сразу было понято многими, в частности многими литераторами. Маяковский чувствовал и думал, опережая других, угадывая развитие чувств и дум народа. Попадло время, чтобы вместе с подъемом патриотической волны оказалась вознесена в народном сознании и великая патриотическая поэма Маяковского.

Первый в советской поэзии Маяковский заставил заново снять слова «родина», «отечество». Он возвеличил жертвенную любовь к родине. В своей поэме, обращаясь к именовавшим себя патриотами российским буржуазным эмигрантам, он писал:

Слушайте,
национальный трутень, —
День наш
тем и хорош, что труден,
Эта песня
песней будет
наших бед,
побед,
буден.

Такой песней «бед, побед, буден» и стала поэма «Хорошо!». Своими вдохновенными образами не только достижений, но и трудностей нашего исторического пути она вливает изумительное настроение веры в будущее. И вся поэма Маяковского звучит поэтической присягой сердца на верность матери-родине.

...землю,
которую
завоевал
и полуживую
вынянчил,
где с пулей встань,
с винтовкой ложись,
где каплей
льешься с массама, —
с такую
землю
пойдешь
на жизнь,
на труд,
на праздник
и на смерть!

В. ПЕРЦОВ.

Николай АСЕЕВ.

МАЯКОВСКИЙ НАЧИНАЕТСЯ

(Отрывок из главы «Косой дождь»)

Мы все
любили его за то,
что он не похож на всех.
За неустанный его задор,
за неуемный смех.
Тот смех
такое свойство имел,
что прошлого
дрвал пласты;
и жизнь веселела,
когда он гремел,
а скука
ползла в кусты.
Такой
у него был огромный путь
такой ширины шаг, —
что слышать его,
на него взглянуть
сбегались друзья и враги.
Одни в нем видели
острая,
ломающего слова;
других —
за сердце брала строка,
до слез горяча и жива.
Вот он встает,
по грудь над толпой,
над поясом всех широт...
И в сумрак
уходит завистник тупой,
а друг
выступает вперед.

Я доли десятой
не передам,
как весел и смел его взгляд
и — рукоплевская
летит по рядам
строке,
попадающей в лад.
Ладони бьют,
и щеки горят...
Еще ли
умешка коса!
За словом
слова тяжелый снаряд
лети, шевеля волоса.
Советский недруг,
остерегись;
попятившись
кройся в даль —
так страшно
голоса нижний регистр
надавливает педаль.
Все шире плечи,
прямей голова,
все искристее глаза...
Еще
и еще,
и еще наплывай,
живительная гроза.

— ★ —

Вл. МАЯКОВСКИЙ

Ну, что ж!

Раскрыл я
с тихим шорохом
глаза страниц...
И потянуло
шорохом
от всех границ.
Не вновь,
которым за двадцать,
в грозе расти.
Нам не с чего
радоваться,
но нечего
грустить.
Бурна вода истории.
Угрозу
и войну
мы взрежем
на просторе,
как режет
киль волну.